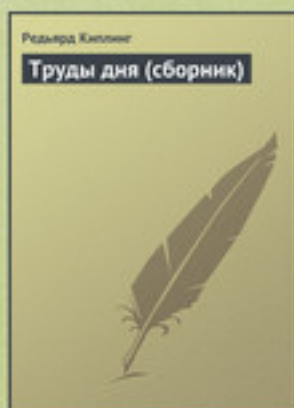

Редьярд Киплинг

Строители моста

*Часть сборника
Труды дня (сборник)*

Редьярд Киплинг
Строители моста

«Public Domain»

1893

Киплинг Р. Д.

Строители моста / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1893

«Финдлейсон, инженер, служивший в департаменте общественных работ, мечтал по окончании возложенной на него работы получить повышение – по крайней мере, должность инспектора; друзья говорили, что он заслуживает большей награды, чем та, которая представлялась ему в его мечтах. В течение трех лет он переносил жару и холод, разочарования и неудобства, опасности и болезни и ответственность, слишком тяжелую для одной пары плеч; за это время большой мост у Каши через Ганг вырастал под его наблюдением день за днем. Теперь, если все пойдет хорошо, менее чем через три месяца его превосходительство, вице-король, откроет мост, архиепископ благословит его, первый поезд с солдатами пройдет по нему и будут произнесены торжественные речи...»

© Киплинг Р. Д., 1893

© Public Domain, 1893

Редьярд Киплинг Строители моста

* * *

Финдлейсон, инженер, служивший в департаменте общественных работ, мечтал по окончании возложенной на него работы получить повышение – по крайней мере, должность инспектора; друзья говорили, что он заслуживает большей награды, чем та, которая представлялась ему в его мечтах. В течение трех лет он переносил жару и холод, разочарования и неудобства, опасности и болезни и ответственность, слишком тяжелую для одной пары плеч; за это время большой мост у Каши через Ганг выросал под его наблюдением день за днем. Теперь, если все пойдет хорошо, менее чем через три месяца его превосходительство, вице-король, откроет мост, архиепископ благословит его, первый поезд с солдатами пройдет по нему и будут произнесены торжественные речи.

Инженер Финдлейсон сидел на своей дрезине в том месте узкоколейки, откуда громадные, облицованные камнем насыпи расходились в две стороны и тянулись на три мили к северу и югу по берегам реки, и позволил себе помечтать об окончании своей работы. Эта работа представляла собой мост длиной в милю и три четверти; его решетчатые фермы «системы Финдлейсона», опирались на двадцать семь кирпичных быков. Каждый из этих быков – в двадцать четыре фута в поперечнике, – облицованный красным камнем из Агры, опускался на восемь футов ниже слоя зыбучих песков Ганга. Над ними проходило полотно железной дороги в пятнадцать футов шириной; еще выше над ним шла дорога для экипажей в восемнадцать футов шириной, окаймленная тротуарами для пешеходов. С обеих сторон моста подымались башни из красного кирпича, снабженные бойницами для ружей и амбразурами для орудий. От них отлого спускались в обе стороны дороги к еще не оконченным дамбам, которые кишели сотнями медленно двигавшихся крошечных ослов, подымавшихся с набитыми мешками из зиявшего внизу рва. Жаркий полуденный воздух был наполнен стуком копыт и палок погонщиков, чмоканьем и шлепаньем густой грязи. Река была очень мелка; на ослепительно белом песке отмелей стояли небольшие суда, на который опирались средние фермы моста, где клепка еще не была закончена. В небольшом углублении, где еще оставалось достаточно воды после засухи, большой кран беспрерывно двигался взад и вперед, ставя на место пластины железа, храпя и ворча, как слон, работающий на лесном дворе. Сотни клепальщиков рассыпались по боковым решеткам и железной кровли железнодорожной линии, спускались с невидимых подмостков под балки, цеплялись за карнизы быков и подымались по стойкам пешеходной части моста; их горны и искры, вылетающие при каждом ударе молота, казались бледно-желтыми при ярком свете солнца. С запада и с востока, с севера и с юга, вдоль берегов с шумом и свистом проносились локомотивы, таща за собой платформы, нагруженные бурыми и белыми камнями. Боковые стенки платформ откидывались, и несколько тысяч тонн материала для расширения плотины с грохотом сбрасывались на дно реки там, где берега еще не были укреплены.

Финдлейсон обернулся и окинул взглядом страну, которая благодаря ему изменила свой характер на протяжении семи миль. Оглядел шумное селение, где жили пять тысяч рабочих; взглянул через реку – на дальние быки, исчезающие в дымке; наверх, на сторожевые башни – одному ему было известно, насколько они мощны – и с довольным вздохом убедился, что работа его исполнена хорошо. Перед ним, залитый солнечными лучами стоял его мост; нужно было только несколько недель работы, чтобы скрепить фермы на трех средних быках. Его мост, грубый и некрасивый, как первобытный грех, но «пукка» – прочный настолько, что останется стоять и тогда, когда исчезнет память даже о фермах «системы Финдлейсона».

Хитчкок, помощник Финдлейсона, подъехал рысью на маленьком кабульском пони с длинным хвостом. Благодаря долговременной практике пони этот мог бы благополучно пройти по любой перекладине. Хитчкок кивнул своему начальнику.

– Почти все готово, – улыбаясь, проговорил он.

– Я только что думал об этом, – сказал начальник. – А ведь недурно сделано для двоих, не правда ли?

– Для одного с половиной. Господи, что за глупый щенок я был, когда приехал сюда на работу! – Хитчкок чувствовал себя очень старым после разнообразных переживаний этих трех лет, которые научили его чувствовать свою власть и ответственность.

– Да, вы были несколько похожи на жеребенка, – сказал Финдлейсон. – Хотел бы я знать, как вам понравится конторское дело, когда здешняя работа окончится?

– Я буду ненавидеть его! – сказал молодой человек. Его взгляд следил за направлением взгляда Финдлейсона. – Ну, разве это не чертовски хорошо? – пробормотал он.

«Я думаю, что мы будем вместе продолжать службу, – мысленно сказал себе Финдлейсон. – Ты слишком хороший юноша, чтобы уступить тебя другому. Был ты щенком, а теперь ты мой помощник. Личный помощник, и будешь им и в Симле, если мне удастся это дело».

Действительно, вся тяжесть работы выпала на долю Финдлейсона и его помощника, молодого человека, выбранного им именно благодаря его неопытности: таким образом легче было приспособить его к делу. Тут находилось около пятидесяти европейцев, мастеровых и подмастерьев, взятых из железнодорожных мастерских, и около двадцати надсмотрщиков, белых и метисов, управлявших по указанию первых толпами рабочих. Но никто, кроме Финдлейсона и его помощника, вполне веривших друг другу, не знал, как мало можно было доверять всем этим подчиненным. Много раз они переживали внезапные кризисы – вследствие поломки блоков, порчи кранов, ярости реки – но ни в одном из этих случаев не было среди рабочих человека, про которого Финдлейсон и Хитчкок могли бы сказать, что он работает так же усердно, как они. Финдлейсон мысленно перебрал все с самого начала: месяцы кабинетной работы, пропавшие даром, когда правительство Индии, решавшее дела на бумаге, в последнюю минуту прибавило два фута к ширине моста и таким образом уничтожило, по крайней мере, пол акра расчетов. Хитчкок, не привыкший к разочарованиям, закрыл лицо руками и заплакал. Вспомнил Финдлейсон и душераздирающие задержки в исполнении контрактов, заключенных в Англии; бесполезные переписки по поводу громадной суммы комиссионных, в случае, если он заключит один – только один – сомнительный договор; борьбу, последовавшую за отказом; осторожную, вежливую обструкцию с другой стороны – следствие этой борьбы. Вспомнил, как молодой Хитчкок, употребив два месяца своего отпуска и выпросив у Финдлейсона десятидневную отсрочку, истратил свои жалкие, скудные сбережения на смелую поездку в Лондон, где, как уверял он и как доказали последующие контракты, он сумел вселить страх божий в человека, пользовавшегося таким влиянием, что, по его словам, боялся только парламента. Он утверждал это до тех пор, пока Хитчкок не сразился с ним за его собственным обеденным столом – и он стал бояться моста у Каши и всех, кто говорил в его пользу. Потом появилась холера, ночью в селении вблизи того места, где строили мост; за холерой разразилась оспа. Лихорадка никогда не покидала селения. Хитчкок был назначен судьей третьего класса с широкими полномочиями – вплоть до права применять телесные наказания; а Финдлейсон наблюдал за тем, чтобы он умеренно пользовался своей властью, и учил, на что следует смотреть сквозь пальцы, а на что обращать особое внимание. Воспоминания были долгими; вспоминались бури, внезапные разливы реки, смерть всякого рода и вида, яростное, страшное возмущение против канцелярской рутины, почти сводящей с ума человека, знающего, что разум его должен быть занят совсем другим; засухи, санитарные и финансовые вопросы, рождения, свадьбы, похороны и волнения в селении, где жили рабочие, принадлежавшие к двадцати враждующим между собой кастам; аргументы, объяснения, увещевания и полное отчаяние, когда человек ложится спать,

благодаря Бога за то, что его ружье лежит разобранном в ящике. Над всем этим царил остов моста у Каши – плита за плитой, балка за балкой, ферма за фермой, – и каждый бык напоминал Хитчкока, расторопного человека, преданного своему начальнику.

Итак, мост был создан двумя людьми – если не считать Перу, который, конечно, сам-то считал себя одним из строителей моста... Он был ласкар (матрос-индус), кхарва из Бульсара, знакомый со всеми портами между Рокхемптоном и Лондоном и достигший степени серанга (боцмана). Но рутина, царящая на британских судах, и требования аккуратности и чистоты одежды надоели ему; он бросил службу и ушел в глубь страны, где люди его калибра всегда могут найти занятие. По умению обращаться с машинами и тяжелыми грузами Перу мог считаться достойным всякой платы, какую бы он ни назначил, но жалованье надсмотрщика устанавливалось по обычаю, и Перу получал плату более низкую, чем заслуживал. Он не боялся ни быстрого течения, ни подъема воды. Как бывший серанг (боцман), он умел поддерживать свой авторитет. Не было такого тяжелого железного предмета, для поднятия и установки которого Перу не сумел бы придумать какого-нибудь сложного приспособления, которое всегда соответствовало своему назначению. Перу спас от гибели перекладину быка N 7, когда новый проволочный трос попал в кран, и громадная плита закачалась, угрожая соскользнуть со своего места. Туземцы-рабочие потеряли голову, громко кричала и суеились, а у Хитчкока правая рука была сломана упавшей доской; он спрятал ее в рукав пальто и упал в обморок; потом пришел в себя и распоряжался в течение четырех часов, пока Перу не крикнул сверху: «Все в порядке!», и плита не легла на место. Никто лучше Перу не умел вовремя отпустить и натянуть канат, обращаться с лебедками, ловко поднять упавший в шахту локомотив; если нужно было, он раздевался и нырял, чтобы посмотреть, смогут ли глыбы вокруг быков устоять при напоре воды матушки-Гунги; или отправлялся во время муссона вверх по реке, чтобы доложить о состоянии набережной. Он бесстрашно прерывал военные советы Финдлейсона и Хитчкока; если ему не хватало слов на удивительном английском – или еще более удивительном «*lingua franca*» – полупортугальском, полумалайском языке – он брал веревку, чтобы показать узлы, которые рекомендовал. Он управлял своей собственной армией рабочих, таинственных родственников из Кутч Мандви, которых нанимали на месяц.

Работать Перу их заставлял в полную силу. Никакие родственные связи не могли заставить Перу внести в список рабочих людей слабосильных или легкомысленных.

– Моя честь – честь этого моста, – говорил он тому, кого собирался уволить. – Что мне за дело до вашей чести? Ступайте, работайте на пароходе. Это единственное, на что вы годны.

Кучка хижин, где жил он и его команда, ютилась вокруг ветхого жилища одного морского жреца, который никогда не ступал на «Черные Воды», но был избираем духовником двумя поколениями морских разбойников, на которых не имели никакого влияния миссии или те вероучения, которые навязывают морякам агентства, помещающиеся вдоль берегов Темзы. Жрецу ласкаров не было никакого дела до их касты да и вообще до чего бы то ни было. Он ел то, что приносилось в жертву его церкви, спал, курил и снова спал, «потому что, – говорил Перу, – затащил его на тысячу миль в глубь страны, – он очень святой человек. Ему все равно, что вы едите, только бы не мясо – и это хорошо, потому что на суше мы, кхарва, поклоняемся Шиве; на море, на судах „Кумпаний“, мы строго следуем приказаниям Бурра Малум (штурмана), а на этом мосту мы слушаемся того, что говорит Финдлейсон-сахиб».

Финдлейсон-сахиб велел в этот день убрать леса сторожевой башни на правой стороне дамбы, и Перу и его помощники разбирали и сбрасывали бамбуковые жерди и доски так быстро, как, наверно, они никогда не разгружали каботажного судна.

Со своего места Финдлейсон мог слышать звук серебряного свистка Перу и скрип шкивов в блоках. Перу стоял на самом верху сторожевой башни, одетый в свою старую форменную синюю одежду.

Так как Финдлейсон сказал, что жизнь Перу не из тех, которые можно губить зря, то он взобрался на самую верхушку башенной мачты и, прикрыв глаза рукой, по-матросски крикнул протяжно, как часовой на вахте: «Смотрю!» Финдлейсон рассмеялся, а потом вздохнул. Уже много лет он не видел парохода, и тоска по родине овладела им. Когда его дрезина проходила под башней, Перу спустился по веревке, как обезьяна, и крикнул:

– Теперь, кажется, хорошо, сахиб! Наш мост почти совсем готов. Как вы думаете, что скажет матушка Гунга, когда над ней пройдет железная дорога?

– До сих пор она мало говорила. Не мать Гунга задерживала нас.

– У нее всегда будет время на это; а задержка-то все-таки была. Разве сахиб забыл прошлогоднее осеннее наводнение, когда плашкоуты затонули безо всякого предупреждения или, вернее, с предупреждением только за полсуток.

– Да, но теперь только уж очень сильное наводнение может принести нам вред. Дамба хорошо укреплена.

– Матушка Гунга глотает большие куски. На дамбе всегда найдется достаточно места для лишнего камня. Я говорю это Чота-сахибу, – под этим именем он подразумевал Хитчкока, – а он смеется.

– Ничего, Перу. Через год ты можешь выстроить мост по своему вкусу.

Ласкар усмехнулся.

– Тогда это будет сделано иначе – мой мост не будет таким, как Кветтский; он будет без каменной кладки под водой. Я люблю висячие мосты, которые летят с берега на берег одним взмахом, словно сходни. Тогда никакая вода не может принести вреда. Когда придет открывать мост лорд-сахиб?

– Через три месяца, когда станет прохладнее.

– Ого! Он похож на Бурра Малум. Он спит внизу, когда идет работа. Когда все кончено, тогда он выходит на палубу, дотрагивается до чего-нибудь пальцем и говорит: «Черт возьми! Здесь не чисто!»

– Ну, Перу, лорд-сахиб не будет чертыхаться.

– Да, сахиб; но все же он выходит на палубу только тогда, когда работа окончена. Даже Бурра Малум «Нербудды» сказал раз в Тутикорине...

– Ну тебя! Ступай отсюда! Я занят.

– Я также, – ответил Перу, нисколько не смутившись. – Можно взять джонку и поплавать вдоль дамбы?

– Чтобы укрепить ее руками? Я думаю, она довольно прочна.

– Нет, сахиб. Дело вот в чем. На море, в «Черной Воде», у нас есть достаточно простора, чтобы беззаботно носиться взад и вперед. Здесь у нас совсем нет места. Видите, здесь мы ввели воду в док и заставили ее бежать между каменными стенами.

Финдлейсон улыбнулся при слове «мы».

– Мы взнуздали и оседлали ее. Она не похожа на море, которое может разбиваться о мягкий берег. Она – матушка-Гунга – в железных цепях.

– Перу, ты ездил по свету даже больше меня. Поговорим теперь как следует. Насколько ты – в глубине сердца – веришь в матушку-Гунгу?

– Во все, что говорит наш жрец. Лондон – Лондон, сахиб, Сидней – Сидней, а порт Дарвин – порт Дарвин. И матушка-Гунга – матушка-Гунга, и, когда я возвращаюсь на ее берега, я знаю это и поклоняюсь ей. В Лондоне я поклонялся большому храму у реки, потому что Бог находится внутри него... Да, в джонку я не возьму подушек.

Финдлейсон сел на лошадь и поехал к бунгалу, в котором жил со своим помощником. За последние три года это место стало для него родным домом. Он жарился во время жаркого времени года, обливался потом во время дождливого и дрожал от лихорадки под тростниковой кровлей; известковая штукатурка у двери была покрыта набросками чертежей и формулами,

а дорожка, протоптанная к циновке на веранде, указывала, где он ходил, когда бывал один. Для работы инженера нет восьмичасового ограничения, и оба они, Финдлейсон и Хитчкок, ужинали в верховых сапогах со шпорами; куря сигары, они прислушивались к шуму в селении, когда рабочие возвращались с реки и начинали мелькать огоньки.

– Перу отправился в джонке. Он взял с собой двух племянников, а сам развалился на корме, словно командир, – сказал Хитчкок.

– Это хорошо. Вероятно, он задумал что-нибудь. Можно было бы думать, что десять лет, проведенных на британско-индийских судах, могли бы выбить большую часть религиозных представлений из его головы.

– Так оно и есть, – усмехаясь, проговорил Хитчкок. – Я застал его на днях за самым атеистическим разговором с их толстым гуру. Перу отрицал действие молитвы и предлагал гуру отправиться в море, полюбоваться бурей и посмотреть, может ли он остановить муссон.

– И все же, если бы вы увезли его гуру, он мгновенно покинул бы нас. Он тут болтал мне, как молился куполу св. Павла, когда был в Лондоне.

– Он рассказал мне, что мальчиком, когда он в первый раз спустился в машинное отделение парохода, он молился цилиндру низкого давления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.